

Голубков Андрей Васильевич

ФЕНОМЕН ПРЕЦИОЗНИЦЫ: ЖЕНСКИЙ СТИЛЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII В.

Статья посвящена анализу речевого поведения французских прециозниц середины XVII в., зафиксированного в текстах современных им писателей. В пьесе "Смешные жеманницы" Ж. Б. Мольера, в произведениях К. Сомеза собраны образцы выражений, которые бытовали в светских салонах, в том числе среди "прециозниц" - госпожи де Рамбуйе и госпожи де Скюдери. Их анализ позволяет утверждать, что специфика образования женщин того времени предопределила обращение к составлению перифраз, которые устроены по принципам метафоры, разработанным Аристотелем в "Поэтике".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 17-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

УДК 82-4

Статья посвящена анализу речевого поведения французских прециозниц середины XVII в., зафиксированного в текстах современных им писателей. В пьесе «Смешные жеманницы» Ж. Б. Мольера, в произведениях К. Сомеза собраны образцы выражений, которые бытовали в светских салонах, в том числе среди «прециозниц» – госпожи де Рамбуэ и госпожи де Скюдери. Их анализ позволяет утверждать, что специфика образования женщин того времени предопределила обращение к составлению перифраз, которые устроены по принципам метафоры, разработанным Аристотелем в «Поэтике».

Ключевые слова и фразы: прециозницы; Мольер; Сомез; метафора; перифраза.

Голубков Андрей Васильевич, к. филол. н.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

andreygolubkov@mail.ru

ФЕНОМЕН ПРЕЦИОЗНИЦЫ: ЖЕНСКИЙ СТИЛЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII В.

18 ноября 1659 г. в парижском театре Пти-Бурбон состоялась премьера одноактной пьесы Мольера «Смешные жеманницы» («Les précieuses ridicules», более точный перевод – «Смешные прециозницы»), высмеивающей светскую литературу и стиль остроумной «болтовни», популяризированный в галантных («прециозных») салонах Парижа в 1620-1650 гг. Комедия даёт нам прекрасную возможность оценить стиль светского разговора, который был в моде в указанный период. Светские девицы предпочитают диковинный язык и дискурсивные эксперименты, примерами которого могут быть реплики: «Скорее подай нам наперсника Граций» (имеется в виду зеркало) [2, с. 37]; «Поскорее вкатите сюда удобства собеседования» (имеются в виду стулья) [Там же, с. 39]; «Требуется преумножение кресел» [Там же, с. 46]; «До встречи с вами у нас был великий пост по части развлечений» [Там же, с. 43].

Общеизвестно, что в образах прециозниц Мольер представил Екатерину де Рамбуэ и Мадлену де Скюдери – хозяйек двух знаменитых салонов Парижа середины XVII в. Салоны Рамбуэ и Скюдери культивировали идею, что женское наречие более чистое, нежели язык педантов-мужчин, который неизбежно подвергался порче при интеллектуальной работе – прежде всего из-за изучения древних и современных языков. В силу этого присущие дамам незнание языков и «интеллектуальная девственность» (здесь и далее перевод автора – А. Г.) [5, р. 7] оказались не недостатком, но преимуществом: женщины в силу особенностей получаемого ими образования становились носительницами «чистого» французского языка и стиля, к которому литераторы должны стремиться и которому должны подражать.

В конце 1659 г. на волне успеха мольеровской пьесы появились попытки разделить его славу: появляются несколько пьес, которые выводят прециозницу в качестве главного действующего лица. Одним из первых появился «Фарс о прециозницах» м-ль Дежарден, представляющий собой пересказ пьесы Мольера. Спустя несколько месяцев, в начале 1660 г., та же м-ль Дежарден выпустила ещё один пересказ мольеровской пьесы под названием «Рассказ в прозе и стихах о фарсе про Прециозниц».

В это же время появились произведения К. Бодо де Сомеза. Уже 7 января 1660 г. он опубликовал пьесу «Истинные прециозницы» («Les véritables Précieuses»), в которой ополчился на «обезьянничанье» Мольера: заметим, его критика была направлена не столько на манеру представления прециозниц в пьесе «Смешные прециозницы», сколько на использование Мольером чужих сюжетов. Особый интерес представляет лингвистическая сторона прециозной темы, гипертрофированно развитая в пьесе. Бодо де Сомез замечает, что именно в его пьесе персонажи говорят именно так, как общаются истинные прециозницы Парижа, при этом реплики главных героинь пьесы Артемизы и Искаррии ещё более экстравагантны, чем перифразы Като и Мадлон. Примером являются уже первые две сцены, во время которых Искаррия ожидает Артемизу и признаётся ей: «Истинно говорю, моя дорогая, я в своём настроении дошла до крайней жесткости супротив Вас [т.е. “я в гневе”]. Вы совершенно лишены точности в Ваших обещаниях: время совершило уже два шага с тех пор, как я Вас ожидаю [т.е. “прошло 2 часа”]»¹ [3, р. 420]. Примечательна сценка разговора служанок девиц – Беатрисы и Изабеллы, персонажей, которые, подобно мольеровским слугам из «Смешных прециозниц», остаются носителями «здорового смысла»: «Беатриса: “Ну, скажи же мне, на каком языке разговаривают наши хозяйки. Бог мой, я не понимаю ничего из их жаргона; и ежели им будет необходимо и далее говорить в таком духе, то надо им будет раскошиться нам на учителя, который обучил нас алфавиту и этому языку. [...] Ну, скажите же мне, разве не странно именовать клизму “бульоном для двух сестричек”. Слышала ли ты когда-нибудь, чтобы врача именовали “внебрачным сыном Гиппократы”? [...] К чему все эти затемнения, и зачем говорить четыре слова там, где мы скажем два? Разве не лучше сказать “Раздуй пламя” вместо “Возбуди этот горячий элемент”; “Дай мне хлеба” вместо “Принеси жизненную опору”» [Ibidem, р. 351]. Беатриса приводит ещё целый ряд словоупотреблений, читатель узнаёт, например, что «ночной горшок лучше называть “девичьим писсуаром”», а брак – «дозволенной любовью» [Ibidem].

¹ Примеры из сочинений Сомеза взяты нами из антологии, подготовленной Р. Дюшеном [3].

В апреле 1660 г. Сомез выпустил «Большой словарь, или Ключ к языку альковов» («Le Grand dictionnaire ou la Clef de la langue des ruelles»), переизданный в октябре того же года. Именно де Сомезу мы обязаны фиксацией большинства прециозных фраз, в том числе и тех, что фигурируют у Мольера. Приведём несколько наиболее ярких слов и выражений.

Мозг – «Возвышенное».

Зад – «Смущенный низ».

Камин – «Седалище Вулкана» // «Империя Вулкана».

Зубы – «Меблировка рта».

Веер – «Зефир».

Вода – «Жидкий элемент».

Кресла – «Троны алькова».

Окно – «Дверь дня».

Стучат в дверь – «Кто-то заставил заговорить Немого».

Врач – «Внебрачный сын Гиппократата».

Плавать – «Посещать Найяд».

Глаза – «Зеркала души».

Уродливая девушка – «Испуганная красавица» [Ibidem, p. 414-500].

Доработанный и исправленный вариант словаря появился в печати в июне 1661 г. под названием «Большой словарь прециозниц – исторический, поэтический, космографический, хронологический и геральдический» («Le Grand dictionnaire des Précieuses historique, poétique, géographique, cosmographique, chronologique et armoigique»). Устройство этого текста гораздо более сложно. Наряду со словарной частью Сомез помещает ряд тематических блоков, в которых выступает с рассуждениями, касающимися происхождения и особенностей прециозного движения (среди таких общих статей – «Древность», «Обычай», «Девизы»). Особый интерес представляет первая в словаре глава «Древность» (Antiquité), в которой Сомез рассуждает об основных качествах прециозницы: «Следует осознать, каковы важнейшие черты прециозниц. Что бы о них ни говорили, что бы ни писали, что бы еще могло быть сказано или написано, я могу засвидетельствовать (хотя не так уж и много людей сойдутся в этом мнении со мной) и я уверен, что первейшая часть прециозницы – разумение. И дабы носить это имя, необходимо, чтобы разум был, или же чтобы было умение создать видимость его наличия, или же чтобы прециозница была убеждена, что он у нее есть... Когда же меня спрашивают, все ли дамы с разумением являются прециозницами, я отвечаю, что нет, а лишь только те, кто устремляется переписывать или же корректировать то, что написано другими; те, кто в качестве основного своего занятия избирают чтение романов, а также, конечно, те, кто выдумывает способы говорить странно – т.е. по-новому и используя необычные значения слов. Я добавлю также, что необходимо, чтобы они были знакомы с такими господами, коих величают “авторами”» [Ibidem, p. 439].

Не будет преувеличением утверждать, что именно язык оказывается, с точки зрения Сомеза, самым главным социальным маркером прециозницы. Так, в статье «Язык» утверждает: «Их язык нов, и они вынесли обвинительный приговор всем древним выражениям» [Ibidem, p. 479]. В статье «Войны» Сомез рассказывает о самом главном сражении, которое ведут прециозницы: «Они ведут постоянную войну против старого языка, древнего стиля, варварских слов, педантичного разумения и всего, что вышло из моды» [Ibidem, p. 472].

Пристальное внимание к языку и постоянные ссылки на лингвистические упражнения свидетельствуют о том, что для Сомеза прециозность становится почти исключительно языковым «отклонением»: о таком последовательном «снижении» статуса прециозниц свидетельствует уже предисловие ко 2-му изданию первого словаря в октябре 1660 г.: «Я не преследовал иной цели, кроме как позабавить читателя необычностью слов, которые были мною собраны и основательницами которых выступили прециозницы» [Ibidem, p. 426].

Откуда же потребность в таком замысловатом, намеренно усложнённом языке? У большинства женщин не было риторической подготовки, они не изучали риторические трактаты Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана и не делали упражнений *progymnasmata*, то есть женское образование было качественно иным, нежели мужское, направленное на возвращение педантов, которые как раз должны были обладать всей совокупностью знания по правильному риторическому оформлению мысли. Дихотомия «мужской» и «женской» риторики была блестяще вскрыта М. Фюмароли в статье «Волшебство красноречия: Феи Шарля Перро, или О литературе» [4], где было показано, что хотя Ш. Перро и опирался на народные сюжеты, его сказки представляют собой пример идеально собранной риторической конструкции, логика которой в точности соответствует тем принципам, что культивировало школьное красноречие. Фюмароли демонстрирует, как Перро, развивая рассказ, осознанно или неосознанно (в силу привитого автоматизма) использует опыт *progymnasmata*; сказки Перро – безукоризненно выполненные домашние упражнения. В качестве примера Фюмароли избирает сказки на идентичные сюжеты самого Перро и прециозницы м-ль Л’Эретьер, его племянницы и близкого друга. Фюмароли отдельно останавливается на том факте, что каноны классического цicerоновского и квинтилиановского *dispositio* в принципе неприменимы к нарративу м-ль Л’Эретьер. Не будучи способными выстроить связный дискурс по принципам классической риторики, прециозницы неизбежно обратились к использованию инвентивного потенциала метафоры.

Аристотель в небольшом параграфе «Поэтики» под названием «Разновидности имён» трактует метафору как отмеченное сдвигом смысла «несвойственное имя». В основе метафоры лежит наделение имени значением иного имени (при этом находящее выражение как в самом процессе, так и в результате данного действия). Траектории переноса определены Аристотелем в самой дефиниции метафоры уже в первых строках посвящённого ей маленького раздела, где Стагирит говорит о 4 стратегиях метафоризации: «Переносное

слово (метафорá) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1, с. 667-668].

Важно отметить, что наиболее продуктивной, личностно окрашенной и технически сложной оказывается четвертая стратегия – аналогия, которая в «Риторике». Аналогия строится на выискивании отношений между двумя рядами имён, обозначающих произвольные предметы, которые оказываются причудливо сопоставленными: «А “по аналогии” – здесь я имею в виду <тот случай>, когда второе так относится к первому, как четвертое к третьему, и поэтому <писатель> может сказать вместо второго четвертое или вместо четвертого второе» [Там же, с. 668]. Далее Аристотель объясняет определение на частных примерах. В частности, он показывает легитимность употребления выражений «щит Диониса» и «чаша Ареса»: общеизвестно, что чаша имеет отношение как раз к Дионису, а щит к Аресу, но так как чаша относится к Дионису так же, как щит к Аресу, оказывается возможным чашу именовать «щитом Диониса», а меч – «чашей Ареса». Собственно, Аристотель предлагает универсальную программу создания перифраз, которые и оказались излюбленным приёмом прециозниц: такая эстетическая программа позволяла оформить любую, даже бытовую реплику по поэтическим принципам, не разворачивая её в пространный текст. Данная дискурсивная модель была удобна и относительно проста в использовании, что и обеспечило ей популярность в светской салонной среде Парижа 1620-1650-х гг., где почти безраздельно властвовал «слабый пол».

Список литературы

1. **Аристотель.** Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645-680.
2. **Мольер Ж. Б.** Смешные жеманницы: комедия в одном действии // Мольер Ж. Б. Комедии. М.: Художественная литература, 1972. С. 27-52.
3. **Duchêne R.** Les précieuses, ou Comment l'esprit vint aux femmes. Paris: Fayard, 2001. 568 p.
4. **Fumaroli M.** Les enchantements de l'éloquence: «Les Fées» de Charles Perrault ou De la littérature // Le statut de la littérature: mélanges offerts à Paul Bénichou. Genève: Droz, 1982. P. 153-186.
5. **Sonnet M.** L'Education des filles au temps des Lumières. Paris: Cerf, 1987. 354 p.

PRÉCIOSITÉ PHENOMENON: WOMAN'S STYLE IN THE FRENCH LITERATURE OF THE XVII CENTURY

Golubkov Andrei Vasil'evich, Ph. D. in Philology
M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian State University for the Humanities, Moscow
andreygolubkov@mail.ru

The article is devoted to analyzing speech behaviour of French *précieuses* of the middle of the XVII century represented by the writers of that time. J.-B. Molière's play "Les Précieuses ridicules" (The Ridiculous Précieuses), C. Saumaise's works contain the set of expressions which were used in the grand salons and among the *précieuses* – Madame de Rambouillet and Mademoiselle de Scudéry. The analysis of these expressions allows the author to conclude that the peculiarities of education acquired by these women predetermined the tendency to make up periphrases structured according to metaphor principles developed by Aristotle in his "Poetics".

Key words and phrases: *précieuses*; Molière; Saumaise; metaphor; periphrasis.

УДК 82.02

Статья посвящена романному творчеству американского писателя XX века Т. Н. Уайлдера. Приводится сравнительно-сопоставительный анализ идей романа «Женщина с Андроса» с идеями французского экзистенциалиста Г. Марселя. Данный подход дает возможность по-новому взглянуть на проблематику романа и творческую эволюцию писателя. Не отрицая очевидного влияния философии С. Кьеркегора на прозу Т. Н. Уайлдера, автор статьи приходит к выводу, что в экзистенциальном отношении писатель сближается с учением французского мыслителя Г. Марселя.

Ключевые слова и фразы: Уайлдер; экзистенциализм; Марсель; американская литература; XX век; смерть; испытание; индивидуальность.

Дронов Антон Александрович
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
anton_dronov1991@mail.ru

ИДЕИ Г. МАРСЕЛЯ В РОМАНЕ Т. Н. УАЙЛДЕРА «ЖЕНЩИНА С АНДРОСА»

В литературном пространстве Америки первой половины XX века царит упадническое настроение. Л. Н. Татаринова в монографии «Художественный текст в парадигме католической и протестантской культуры» пишет: